

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга является продолжением моей работы «Феномен перехода и переходные объекты» (1951). Вначале я хочу вновь остановиться на базовых гипотезах, хотя это и приведет к повторам. Затем я представлю более поздние наработки, то, как я размышлял и как подходил к оценке клинических данных. Оглядываясь назад, в прошедшее десятилетие, я все более изумляюсь, насколько данная концептуальная область является «запущенной», игнорируется в психоаналитических обсуждениях и литературе. Эта область индивидуального развития и опыта, кажется, никого не волнует, в то время как в фокусе внимания — психическая реальность, индивидуальная — внутренняя, и ее отношение к внешней или разделенной реальности. Культурный опыт также не занял должного места ни в теории, использованной аналитиками в их работе, ни в их мыслях.

Конечно, невозможно не отметить, что явление, описанное нами как промежуточная область, становилось предметом осмысления и работы философов. В теологии это приняло форму вечного спора о транссубстанциальности. В полной мере это проявляется в работах так называемых поэтов-метафизиков (Донн и др.). Мой собственный подход идет от изучения младенцев и детей, а тот, кто рассматривает место этого феномена в жизни ребенка, должен понимать Винни Пуха; с радостью добавлю и ссылку на «Ореховые мультфильмы» Шульца (Schulz, Peanuts cartoons). Универсальный феномен, как тот, что я рассматриваю в этой книге, не может, на самом деле, быть где-то, кроме как в пределах пространства, связанного с магией воображения и творчества.

На мою долю выпало быть психоаналитиком, который, возможно, из-за того что когда-то был педиатром, почувствовал важность этих универсальных вещей для жизни детей и захотел объединить свои наблюдения в теорию о том, что мы все находимся в постоянном процессе развития.

В настоящее время уже, как мне кажется, стало в основном понятно, что в этой части работы я обращаюсь не к одежде или плюшевому мишке, с которым играет младенец, — не к используемому объекту, а к использованию объекта. Я перевожу внимание на *парадокс* в использовании ребенком того, что я назвал переходным объектом. Мой вклад состоит в требовании по отношению к этому парадоксу принятия, толерантности, признания, но и принятия его неразрешенности. Его можно решить, переклотившись на обособленное интеллектуальное функционирование, но ценой потери ценности парадокса как такового.

Этот парадокс, когда он принят и ему разрешено существовать, ценен для каждого человека, индивидуальности, которая не только родилась и живет в этом мире, но также способна безгранично обогащаться, пользуясь культурной связью прошлого с будущим. В этом заключается углубление основной темы, сделанное мною в этой книге.

Работая над книгой, посвященной предмету переходного феномена, я поймал себя на мысли, что все еще не расположен приводить примеры. Причина — та же, что была в первоначальной работе; примеры могут подтолкнуть к тому, чтобы точно определять образцы и классифицировать их по неестественным, случайным качествам, в то время как рассматриваемые мною явления универсальны и безгранично изменчивы. Это примерно то же самое, как описывать человеческое лицо, рассказывая какой разрез глаз, форма носа, рта, ушей, хотя факты свидетельствуют о том, что не бывает одинаковых лиц и даже похожих друг на друга очень мало. Два неподвижных лица могут быть похожи, но как только появится оживление, они сразу станут разными. Все же, несмотря на собственное нежелание приводить примеры, я не намерен полностью исключить этот материал.

Поскольку рассматриваемые вопросы касаются ранних стадий развития каждого человеческого существа, огромное клиническое поле остается открытым и ждет своих исследователей. Примером может служить исследование Оливии Стивенсон (Olive Stevenson, 1954), проведенное в период обучения мисс Стивенсон социальной работе с детьми в Лондонской школе экономики. А по словам доктора Бастианса (Bastiaans), в Голландии

обычной практикой в работе студентов-медиков являются вопросы о переходных объектах и феноменах в опросах родителей при составлении индивидуальной истории ребенка. Факты могут многое показать.

Естественно, выявленные сведения необходимо интерпретировать и для того, чтобы полностью задействовать полученную информацию, а также прямые наблюдения поведения детей, их нужно связать с теорией. Таким образом, одни и те же факты могут по-разному рассматриваться разными наблюдателями и иметь отличные друг от друга точки зрения. Несмотря на это, данное исследовательское поле является многообещающим для прямых наблюдений и косвенного изучения, и в свое время результаты исследования в этой ограниченной области приведут студента к осознанию сложности и значимости ранних стадий объектных отношений и формирования символов.

Я знаком с одним строгим исследованием данной проблематики и хочу предложить читателю не закрывать глаза на публикации, выходящие в этом квартале. Профессор Рената Гаддини (Renata Gaddini) проводит тщательное и скрупулезное исследование феномена перехода в трех различных социальных группах и уже сформулировала ряд идей на базе своих наблюдений. Мне кажется ценным подход проф. Гаддини к идее предшественника, таким образом она смогла включить в рассмотрение самые ранние примеры сосания пальцев, кулачка, языка у младенца и все трудности, сопровождающие использование ребенком соски. Также очень интересна ее идея исследования укачивания младенца как им самим с помощью его собственных ритмических движений, так и качая ребенка в люльке или на руках. Желание ребенка тянуть за волосы является феноменально близким к этому.

Другая попытка разработки идеи переходного феномена принадлежит Иосифу К. Соломону (Joseph C. Solomon) из Сан-Франциско. В своей статье «Фиксированная идея как интернализованный переходный объект» (1962) он выдвигает новую концепцию. Не знаю, могу ли я полностью согласиться с идеями доктора Соломона, но важно одно — с опорой на теорию переходного феномена могут быть пересмотрены многие старые проблемы.

Говоря о моем личном вкладе в исследование этой темы, не стоит забывать, что сейчас я уже не занимаюсь непосредственной клинической работой с детьми, которая является основой всех моих теоретических построений. Однако я продолжаю работать с родителями, а они всегда могут рассказать об опытах, связанных с их детьми, особенно если мы знаем, как поспособствовать припомнить это — нужно дать им возможность вспоминать привычным для них способом, в привычном темпе. Также я работаю с отчетами самих детей об их собственных значимых объектах и способах поведения.

1. ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДА И ПЕРЕХОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ

В этой главе я рассмотрю исходную гипотезу, сформулированную в 1951 году, для обоснования которой приведу два примера из клинической практики.

I. ИСХОДНАЯ ГИПОТЕЗА¹

Известно, что новорожденные младенцы «тянут руки в рот», то есть стремятся к стимулированию оральной зоны, что гармонично связано с удовлетворением эротического инстинкта этой зоны. Также хорошо известно, что некоторое время спустя, дети, как девочки, так и мальчики, начинают играть в куклы, и большинство матерей ожидают, что их дети будут взаимодействовать с теми объектами, которые они им предлагают.

Между этими двумя феноменами, разделенными во времени, существует связь, и изучение процесса развития во времени может быть полезным, оно позволит задействовать важные клинические данные, которые ранее игнорировались.

Первичное обладание

Те, кому понятны интересы и проблемы матерей, знают, что у детей встречаются весьма различные паттерны первичного обладания. Эти паттерны, будучи проявленными, могут стать предметом целенаправленного исследования.

Наблюдается широкий разброс в последовательности событий, которые происходят с ребенком, начиная с того, что ребенок все засовывает в рот, и завершая, в итоге, привязанностью к мягкой или твердой игрушке (мишке или кукле).

¹ Опубликовано в «Международном психоаналитическом журнале» (*International Journal of Psycho-Analysis*. 1953. Vol. 34. Part 2) и в книге Винникотт Д. «Собрание работ: от педиатрии к психоанализу» (*Winnicott D. W. Collected Papers: Through Paediatrics to Psycho-Analysis*. London: Tavistock Publications, 1958a).

Ясно, что здесь имеет значение не только оральное возбуждение и удовлетворение, хотя они могут составлять основу многих других феноменов. В этом аспекте важны также:

1. Природа объекта.
2. Способность ребенка определить объект как «не-Я».
3. Положение объекта — снаружи, внутри, на границе.
4. Способность ребенка создать, выдумать, изобрести, произвести, дать начало новому объекту.
5. Возникновение связи с объектом по принципу взаимоотношений.

Я предлагаю термины «переходные объекты» и «феномен перехода» для обозначения промежуточной зоны опыта, находящейся между сосанием пальцев и плюшевым мишкой, оральным эротизмом и истинными объектными отношениями, между первичной творческой активностью и проекцией того, что уже интроецировано, между исходным непониманием «обязательств» и признанием своей зависимости (скажи «Спасибо»).

В соответствии с этим определением, путь перехода от младенческого гуления к песенкам, которые малыш мурлыкает засыпая, как раз относится к этой промежуточной зоне, к феномену перехода, вместе с использованием объектов, которые не являются частью тела ребенка, но все еще не полностью осознаются им как принадлежащие к внешнему миру.

Неадекватность общепринятого объяснения человеческой природы

Принято считать, что заключения о природе человека в терминах межличностных отношений не достаточно хороши, даже когда принимается детально разработанное изменение функционирования человека, связанное с воображением, сознательной и бессознательной сферой образов, включая вытесненные. Исследования последних 20 лет дали другой подход к описанию человека. Когда индивид достигает состояния некоторого еди-

ничного элемента, характеризующегося ограничительной мембраной, отделяющей мир наружный от мира внутреннего, можно говорить о *внутренней реальности* индивида, и этот внутренний мир может быть насыщенным или обедненным, спокойным или конфликтным. Это помогает, но является ли достаточным?

Я заявляю, что предложенная двухуровневая схема (внутри-снаружи) прямо ведет к необходимости трехуровневой модели: третья сторона жизни человеческого существа, которую невозможно игнорировать, — это промежуточная зона *непосредственного опыта*, и две другие зоны вносят свой вклад в существование третьей. Существование этой зоны не оспаривается, поскольку она не декларирует никаких функций, кроме того что является «зоной отдыха» для индивида, вовлеченного в вечную задачу человека — сепарирование внутренней и внешней реальностей, которые взаимосвязаны.

Для того чтобы четко развести понятия перцепции и апперцепции, обычно привлекают представления о «тестировании реальности». Я настаиваю на положении о промежуточном состоянии между беспомощностью ребенка и ростом его способности понимать и принимать реальность. Поэтому я изучаю *иллюзии*, данные ребенку, которые во взрослой жизни являются неотъемлемыми составляющими искусства и религии, а также становятся признаком безумия, когда человек слишком сильно давит, «играет» на доверчивости других, побуждая признавать и разделять иллюзии, которые не являются их собственными. Если мы признаем *иллюзорный опыт*, то при желании собравшись вместе, мы сможем разделить на группы на основании сходства нашего иллюзорного опыта. Это и есть естественная основа возникновения групп среди человеческих существ.

Я надеюсь на понимание того, что здесь не рассматриваются конкретный плюшевый мишка или определенные, самые первые действия ребенка рукой (пальцами рук). Я не изучаю специально первый предмет в объектных отношениях ребенка. Я занима-

юсь тем, что рассматриваю первичное обладание и промежуточную зону между субъективным и объективно воспринимаемым.

Развитие личностного паттерна

В психоаналитической литературе очень часто обсуждается прогресс развития ребенка от состояния «рука — в рот» до состояния «рука к гениталиям», но куда меньше достижения в исследовании обращения ребенка с действительным «не-Я» объектом. На определенном этапе в развитии ребенка появляется тенденция «вплетать» в части «Я» объекты, отличные от «Я». Эти объекты в чем-то являются символами материнской груди, но сейчас речь идет не об этом.

Некоторые дети держат большой палец во рту, а в это время остальными гладят лицо, поворачивая предплечье то внутренней, то тыльной стороной. Рот в это время активен только по отношению к большому пальцу, к другим пальцам — нет. Пальцы, ласкающие верхнюю губу или другую часть лица станут, возможно, более важными, чем большой палец, «увлеченный» ртом. Более того, эти ласкающие движения могут появляться отдельно, без непосредственного соединения большого пальца и рта.

Распространены следующие проявления, усложняющие аутоэротический опыт сосания пальца:

- 1) младенец другой рукой тянет в рот вместе с пальцами внешний объект, например, край простыни или одеяла;
- 2) так или иначе он удерживает, мусолит, какую-то часть одежды, хотя фактически может и не делать ничего; обычно среди таких объектов славятся салфетки и (позже) носовые платки, в зависимости от того, что есть в распоряжении у ребенка;
- 3) с первых месяцев младенец начинает выщипывать шерстяные нитки, чтобы затем использовать их в «ласкательной» активности; менее распространено глотание шерсти, порой приводящее к неприятностям;
- 4) оральные проявления, сопутствуемые звуками «мама-мама», гулением, первыми музыкальными нотками и так далее.

Можно предположить, что мышление, или фантазия, имеют связь с описанным функциональным опытом.

Все перечисленное я называю *феноменом перехода*. Также, помимо этого (если изучать любого конкретного ребенка) может появиться какая-нибудь вещь или явление, например части шерстяных нитей или угол одеяла, слово, напев или манерность, что станет жизненно важным для ребенка и будет использоваться во время укладывания спать, служить защитой от тревоги, особенно тревоги депрессивного типа. Ребенок находит какой-нибудь мягкий предмет (или любой другой), начинает его использовать, а затем он становится для него тем объектом, который я называю переходным. Этот объект продолжает оставаться значимым. Родители начинают понимать ценность этого предмета и берут его во все поездки. Он может испачкаться и даже приобрести неприятный запах, но мама оставляет все, как есть, понимая, что стирка внесет разрыв в непрерывный поток опыта ребенка, разрыв, который может разрушить значение и ценность объекта для ребенка.

Я полагаю, что паттерн феномена перехода начинает проявляться в период от 4–6 месяцев; от 6–8 месяцев, 8–12 месяцев. И я намеренно оставил столь широкий временной интервал.

Младенческий набор паттернов может сохраниться и в детском возрасте, — когда первоначальный предмет продолжает оставаться совершенно необходимым в кроватке, когда ребенок в одиночестве или подступает депрессивное настроение. У здоровых детей, однако, происходит постепенное расширение спектра значимых объектов, и даже, когда подступает состояние близкое к депрессии, эта широта интересов сохраняется. Необходимость специфического предмета и поведенческий паттерн, появившийся в раннем возрасте, при угрозе депривации может возникнуть снова в более позднем возрасте.

Первичное обладание нередко проявляется в сочетании с другими особенными проявлениями, идущими из раннего младенческого возраста, которые могут как включать непосредственную аутоэротическую активность, так и существовать отдельно. Постепенно в жизни ребенка появляется все больше мишек, кукол и немягких игрушек. Мальчики в некотором роде стремятся

перейти к использованию твердых предметов, тогда как девочки продолжают процесс усваивания семейных отношений. Однако, важно отметить, что *нет заметных различий между мальчиками и девочками в использовании объекта первичного обладания «не-Я»*, который я называю переходным объектом.

По мере того как младенец начинает использовать оформленные звуки («мама», «па», «ба»), могут возникать «словечки» для переходного объекта. Имя, которое ребенок дает этим самым первым предметам, часто очень важно и обычно частично состоит из слов, которые говорят взрослые. Например, имя может звучать «дааа», а «д» могло возникнуть из слов взрослого «детка», «дорогой».

Не могу не упомянуть о том, что иногда этих переходных объектов, кроме самой матери, может не существовать. Это происходит в случае сильного эмоционального нарушения у младенца, когда переходное состояние не приносит удовольствия, или если последовательность используемых объектов нарушена. Эта последовательность, тем не менее, может сохраниться в скрытом виде.

Специальные качества отношений (краткое изложение)

1. Младенец присваивает права на объект, и мы соглашаемся с этим. Тем не менее, некоторое ограничение всемогущества характерно с самого начала.
2. Объект вдохновенно любим или же изуродован до безобразия — ребенок будет одинаково нежно прижимать его к себе.
3. Объект не должен подвергаться никаким изменениям, если это не делает сам ребенок.
4. Он должен сохраниться при проявлении инстинктивной любви, ненависти или, в случае, если это характерно, прямой агрессии.
5. В то же время ребенку должно казаться, что от объекта может исходить тепло или что он может перемещаться, иметь структуру или делать что-то, доказывающее, что он действительно существует.

6. С нашей точки зрения, объект появляется извне, но с точки зрения ребенка это не так. Точно также он не возникает изнутри, это не галлюцинация.
7. Его предназначение — постепенно становиться все менее ярким, чтобы с течением лет быть не столько забытым, сколько отложенным в архив. Я имею в виду, что у здорового ребенка переходный объект и не «уходит внутрь», и нет ощущения, что он обязательно подвергается вытеснению. С одной стороны, его не забывают, с другой стороны, и не переживают его утрату. Он лишь теряет свое значение, и это происходит потому, что феномен перехода становится все более рассеянным, разворачивается на всю промежуточную территорию между «внутренней психической реальностью» и «внешним миром, будто воспринимающийся двумя людьми совместно», то есть на всю культурную область.

С этого момента в фокус нашего исследования включены игра, художественное творчество и понимание искусства, религиозные чувства и мечты, а также фетишизм, ложь и воровство, зарождение и разрушение любовных чувств, пристрастие к наркотикам, талисманы, навязчивые ритуалы и многое другое.

Переходный объект и символизации

Понятно, что часть одеяла (или чего бы то ни было) символизирует какую-нибудь часть тела, например материнскую грудь. Тем не менее, здесь более важны реальные качества объекта, чем его символическое значение. Он не станет настоящей грудью (или самой мамой), хотя вполне реален, важен сам факт, что объект обозначает грудь (или маму).

К тому времени как символичность вступает в силу, младенец уже ясно видит различия между фантазией и фактом, внутренним и внешним объектом, творчеством и восприятием. Но, как я полагаю, термин «переходный объект» также охватывает процесс становления принятия различия и сходства. Я думаю, что был бы полезен термин для обозначения начала символизации во времени, термин, описывающий путешествие младенца

от чисто субъективного к объективности; по-видимому, переходный объект (край одеяла и т. п.) — это та часть пути ребенка к переживанию опыта, которую мы можем увидеть.

И тогда становится возможным понять переходный объект, не исследуя подробно природу символичности. Я считаю, что изучить суть символичности можно лишь рассматривая весь процесс взросления индивида, и лучше в случае, когда это понятие неоднозначно. Например, просвира в Таинстве Причастия символизирует Тело Христово, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что для приверженцев Римской католической церкви это действительно Тело, а для протестантов это суррогат, напоминание, но в действительности, реально, не само тело. Но в обоих случаях просвира остается символом.

КЛИНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЕХОДНОГО ОБЪЕКТА

Иллюстративного клинического материала — несметное множество и бесконечное разнообразие, и это понятно каждому, кто работает с детьми и родителями. Следующие иллюстрации даны только для того, чтобы напомнить читателям похожие случаи из их собственного опыта.

Два брата: контраст в первичном обладании предметами

Искажение в употреблении переходного объекта. X, в настоящее время здоровому мужчине, пришлось силой отвоевывать свой путь к зрелости. Его мама «училась быть матерью», занимаясь маленьким X, и то, чему она научилась с ним, позволило ей избежать известных ошибок с другими детьми. Была и внешняя причина ее беспокойства. Когда родился X и она воспитывала его, будучи довольно одинокой, она очень серьезно отнеслась к работе «матерью» и кормила X грудью семь месяцев. Она чувствовала, что для этого случая это чересчур долго и его сложно будет отнять от груди. Он никогда не сосал пальцы, а когда она перестала кормить его грудью, «ему некуда было отступать». У него никогда не было ни бутылочки, ни соски, ни какой-то другой формы кормления. Но у него была очень ранняя и сильная

привязанность к самой матери, ему была нужна мать как реально существующий человек.

В 12 месяцев у него появился игрушечный кролик, которого он гладил и прижимал к себе, со временем эта нежная забота была перенесена на настоящих кроликов. А тот игрушечный кролик оставался с ним до 5–6 лет. Его можно назвать *утешителем*, но он никогда не был по-настоящему переходным объектом. Он никогда не становился, как истинный переходный объект, важнее самой мамы, которая почти неотделима от младенца. В случае с этим конкретным мальчиком, некоторая тревожность, обостренная отнятием от груди в 7 месяцев, позднее привели к астме, и только исподволь, мало-помалу, он смог победить ее. Он нашел работу далеко от родного города, и это было важно. Его привязанность к матери все еще очень сильна, но несмотря на это, он подпадает под категорию (очень широкую) «нормальный», или «здоровый». Этот мужчина не женился.

Типичное употребление переходного объекта. Весь путь развития Y, младшего брата X, был довольно прямым и простым. Сейчас у него самого трое детей. Он был на грудном вскармливании 4 месяца, отнятие от груди прошло легко. Y сосал палец в первые недели, и это «сделало отнятие от груди проще, чем у старшего брата». Когда его уже отняли от груди, в 5–6 месяцев, он обнаружил объект — кончик одеяла, на котором оканчивался шов. Ему нравилось, что оттуда высовывался небольшой клочок шерсти, и он мог щекотать им нос. Это очень рано стало его «Баа», он сам начал использовать это имя, как только научился произносить оформленные звуки. Начиная с годовалого возраста, он начал использовать вместо одеяла мягкую джерси зеленого цвета с красным шнурком. Это был не «утешитель», как в случае с депрессивным старшим братом, а «успокоитель». Это успокоительное работало безотказно. Вот типичный пример того, что я называю *переходным объектом*. Маленьким мальчиком, Y, как только получал свой «Баа», сразу же начинал его сосать и успокаивался, а если подходило время ложиться спать — засыпал с ним за несколько минут. В то же время он продолжал сосать палец до трех–четырёх лет, помнит как сосал пальцы и ранку на одном из них, которая из-за этого возникла. В настоящее

время он как отец интересуется сосанием пальцев и «Баа» собственных детей.

История семи обыкновенных детей из этой семьи обнаруживает следующие точки для сравнения (см. таблицу).

		Палец	Переходный объект		Тип ребенка
X	мальчик	0	Мама	Кролик (утешитель)	Фиксированный на матери
Y	мальчик	+	«Баа»	Джерси (успокоитель)	Свободный
двойняшки	девочка	0	Соска	Ослик (приятель)	Поздняя зрелость
	мальчик	0	«Ее»	Ее (защитник)	Латентная психопатия
	девочка	0	«Баа»	Одеяло (поддержка)	Благоприятное развитие
дети Y	девочка	+	Палец	Палец (удовлетворение)	Благоприятное развитие
	мальчик	+	«Мимис»	Объекты (порядок)*	Благоприятное развитие

* Замечание: это было не совсем понятно, но я оставил все как есть. D.W.W., 1971. (Прим. авт.)

Важность сбора личных историй

Консультируя родителей, часто очень полезно выяснить информацию о ранних особенностях поведения и первичного обладания всех детей в семье. Это подталкивает мать к тому, чтобы начать сравнивать детей друг с другом, позволяет вспомнить и сравнить их особенности в раннем возрасте.

Вклад самого ребенка

Информацию относительно переходного объекта часто можно получить и у самого ребенка. Например:

Ангус (одиннадцать лет и девять месяцев) говорил мне, что у его брата «тонны всяких штук и плюшевых медвежат», а «прежде у него были маленькие мишки», и продолжил рассказом о своей собственной жизни. Он сказал, что у него никогда не было мягких игрушек. Был колокольчик с веревочкой которая свисала, а он каждый раз дергал за этот обрывок, после чего отправлялся спать. Наверное, в конце концов, шнур оборвался, и на этом все закончилось. Однако, был и другой предмет. К нему мальчик относился с большим недоверием и опаской. Этим был фиолетовый кролик с красными глазами. «Я не любил его. Я им швырялся. Сейчас он у Джереми, я отдал ему. Я дал его Джереми, потому что он (кролик — прим. пер.) плохо себя вел. *Бывало, что он спрыгивал с комода. Он все еще навещает меня. Мне нравится, когда он ко мне приходит*». Мальчик был сам очень удивлен, когда он нарисовал фиолетового кролика.

Обратите внимание на то, что этот одиннадцатилетний мальчик, с развитым по возрасту чувством реальности, так описывает качества и активность переходного объекта, как будто ему самому недостает этого чувства. Когда я позже встречался с мамой, она была удивлена тем, что Ангус помнил фиолетового кролика. Она легко узнала его на цветном рисунке сына.

Примеры — насколько они могут быть полезны?

Я сознательно воздерживаюсь от того, чтобы привести здесь больше отдельных случаев, именно потому, что не хочу, чтобы создалось впечатление, что мои материалы являются редкостью. Практически в каждой индивидуальной истории оказывается что-то интересное, связанное с феноменом перехода или его отсутствием.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Опираясь на общепринятую психоаналитическую теорию можно сформулировать следующие замечания:

1. Переходный объект символизирует материнскую грудь, самый первый объект взаимоотношений.
2. Переходный объект предшествует упроченному тестированию реальности.
3. Во взаимосвязи с переходным объектом младенец совершает переход от (магического) неограниченного контроля к манипулятивному контролю (включая мускульный эротизм и радость от согласованности).
4. Переходный объект может со временем превратиться в фетиш, а следовательно, сохраниться как характеристика сексуальной жизни взрослого человека (см. разработку темы Вульфом (Wulff, 1946)).
5. Переходный объект, вследствие анального эротического типа организации, символизирует фекалии (но не по тому, что может оставаться не стиранным и зловонным).

Взаимоотношения с внутренним объектом (Кляйн)

Интересно провести сравнение концепции переходного объекта и теории внутреннего объекта Мелани Кляйн (Melanie Klein, 1934). Переходный объект *не является внутренним объектом* (который представляет собой ментальную концепцию) — он является предметом обладания. Также это и не внешний (по отношению к ребенку) объект.

Предлагаю следующее комплексное утверждение. Младенец может обрести переходный объект, когда внутренний объект реален, обладает значимостью и достаточно хорош (не несет в себе чрезмерно качество наказания). Но качества внутреннего объекта зависят от существования, жизнеспособности и поведения внешних объектов. Нарушение какой-то существенной функции последнего косвенно ведет к отмиранию или приобретению внутренним объектом качества преследователя². При постоян-

² Оригинальный текст здесь несколько модифицирован. (Прим. авт.)

ной неадекватности внешнего объекта, внутренний объект теряет значение для ребенка и тогда, и только в этом случае, переходный объект также становится бессмысленным. Правда, переходный объект может все же остаться символом «внешней» материнской груди, но *косвенно*, через «внутреннюю» символизацию груди в представлении ребенка.

Переходный объект, в отличие от внутреннего, никогда не подвержен магическому контролю, а также, в отличие от реальной фигуры матери, не может быть проконтролирован извне.

Иллюзии и их разрушение

Для того чтобы подготовить почву собственным выкладкам, я должен сказать несколько слов о вещах, которые, на мой взгляд, во многих психоаналитических работах о начальном эмоциональном развитии чересчур легко принимаются как доказанные, хотя в практике могут быть вполне понятны.

Для младенца абсолютно невозможно продвинуться от принципа удовольствия к принципу реальности или выйти за пределы первичной идентификации (см. у Фрейда (Freud), 1923) без хорошей матери. Хорошая «мать» (не обязательно собственная мать ребенка) — это человек, который активно приспосабливается к потребностям ребенка, и это приспособление постепенно ослабевает в соответствии с растущей способностью ребенка отвечать на недостаток адаптации и его толерантностью к фрустрации. Естественно, собственная мать более вероятно станет хорошей матерью для ребенка, чем какой-то другой человек, так как активное приспособление требует легкого и бесконфликтного предшествующего опыта отношения с ребенком; но на самом деле, успешность ухода за младенцем зависит от преданности, а не от сноровки или интеллектуальной одаренности.

Хорошая мать, как я уже говорил, начинает с того, что почти полностью адаптируется к потребностям ее младенца, а с течением времени она приспосабливается все меньше и меньше, в соответствии с растущей возможностью ребенка справляться в случае ее ухода.

Справиться с уходом мамы — это дело, связанное для ребенка со следующими процессами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru